

Иванов И.

**Политическая роль
французского театра в связи с
философией XVIII-го века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И17

И17 **Иванов И.**
Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII-го века
/ Иванов И. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 772 с.

ISBN 978-5-4241-6163-6

ISBN 978-5-4241-6163-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рость, какъ произошло усвоеніе философскихъ идей буржуазнымъ обществомъ,—Тэнъ разрѣшаетъ по общепринятой программѣ: буржуа постепенно превратился въ свѣтскаго кавалера (*il est du monde*), получилъ доступъ въ аристократическіе салоны, открывъ подобныя салоны у себя,—и философская пропаганда среди буржуа приняла также форму *la conversation philosophique*. Авторъ перечисляетъ рядъ сочиненій, написанныхъ философами специально для свѣтскихъ дамъ: слѣдуетъ заключить, что ничего подобнаго философы не признали нужнымъ сдѣлать ради остальной, не салонной публики. Относительно собственно народа историкъ уже совершенно не говоритъ объ идеяхъ, изображаетъ только бѣдственное положеніе крестьянъ и ихъ крайнее стихійное озлобленіе на существующій строй. Въ результатъ впечатлѣніе получается вполне опредѣленное: просвѣтительныя идеи оказались удѣломъ матерьяльно-благоденствующихъ классовъ, здѣсь философія могла вызвать новые политическіе и общественные идеалы, на долю народа осталась только слѣпая злоба (*la colère aveugle*), безсмысленныя подозрѣнія и неудержимыя истребительныя наклонности. Все это должно было найти исходъ въ революціи независимо отъ какихъ бы то ни было идей ¹.

Обертэнъ не даетъ такихъ рѣзкихъ выводовъ.—но философская пропаганда и въ его книгѣ рисуется въ тѣхъ же чертахъ. Онъ характеризуетъ прежде всего типичнаго «философа—государственнаго человѣка», т. е. маркиза Даржансома, потомъ говорить о салонахъ, наконецъ, подробно разбираетъ оппозиціонное настроеніе среднихъ, буржуазныхъ сферъ,—ясенистовъ и парламентскихъ адвокатовъ. Книга Обертэна явилась раньше сочиненія Тэна,—и мы видимъ, что второй авторъ шелъ въ сущности по слѣдамъ своего предшественника. Пути ихъ совпадаютъ даже въ подробностяхъ. Рѣшительнымъ моментомъ философскихъ успѣховъ оба историка

---

¹ *Les origines de la France Contemporaine. L'ancien régime.* Paris 1882. Livre quatrième.

считаютъ громкую популярность брошюры адвоката Tous-saint'a—*Les Moeurs*, излагавшую идеи деизма, другими сло-вами авторы не выходятъ изъ предѣловъ книжной литера-туры новаго направленія и ея читателей, принадлежавшихъ къ высшимъ культурнымъ слоямъ общества ². Тагъ пред-ставляется историкамъ начало пропаганды, и дѣло, на ихъ взглядъ, не мѣняется до самаго конца философскаго періода. Обертэнъ, имѣя предъ собой обильнѣйшій матерьялъ по об-щественной и литературной исторіи, не счелъ нужнымъ даже коснуться свѣдѣній относительно философскихъ вліяній въ низшихъ классахъ. Рассказывая о презрѣннн парижскаго населенія къ духовенству, о непопулярности Маріи Антуа-неты среди «народа», Обертэнъ видитъ во всѣхъ этихъ на-строеніяхъ только «ненависть и желаніе мести»—со стороны «низшихъ классовъ» ³. Этихъ чувствъ, конечно, нельзя было отрицать у подданныхъ старой монархіи,—но рядомъ съ ними должны были существовать отраженія современнаго идейнаго движенія. Тэнъ, излагая исторію революціонныхъ смуть, го-воритъ о народныхъ ораторахъ, цитировавшихъ *Contrat so-cial*,—даже въ провинціальнымъ захолустьяхъ ⁴. Историкъ, слѣдовательно, въ интересахъ логической полноты необхо-димо свой рассказъ о пропагандѣ идей дополнить свѣ-дѣніями о философскихъ вліяніяхъ на провинцію. Обертэнъ только отчасти заполняетъ этотъ пробѣлъ. Онъ неоднократно указываетъ, какими путями проникали въ провинцію па-рижскія новости ⁵, но совершенно не затрогиваетъ вопроса, какое мѣсто среди этихъ новостей занимала философія и какъ относились провинціалы къ событіямъ въ этой области. Въ результатъ,—предъ нами яркая картина философской про-паганды среди высшихъ слоевъ столичнаго населенія и только случайные, отрывочные намеки на судьбы философіи за пре-

---

² *Les origines*. Ib. p. 377. *L'esprit public au XVIII-e siècle*. Paris 1873, p. 285.

³ *O. c.* p. 262, 435.

⁴ *Les origines. La révolution*, p. 24—6.

⁵ *O. c.*, p. 130, 380.

дѣлами культурнаго центра и за предѣлами набранныхъ классовъ, питавшихся идеями изъ первоисточниковъ, изъ брошюръ и многотомныхъ сочиненій философовъ.

Такимъ образомъ установилась прочная программа для историческихъ сочиненій, характеризующихъ общественную культуру XVIII-го вѣка: столица, высшіе и отчасти средніе классы—единственная умственно-развитая среда, вбирающая въ себя взгляды и выводы современной мысли; провинція и низшіе классы интересуютъ историковъ, только какъ почва для экономическихъ и юридически-административныхъ изысканій.

Недавно вышло обширное сочиненіе, посвященное провинціи XVIII-го вѣка—Albert'a Babeau—*La province sous l'ancien régime*. Оно вполне соотвѣтствуетъ указанной программѣ. Оба тома наполнены подробностями, весьма часто вновь добытыми изъ архивовъ,—относительно матерьяльной жизни Франціи, ея экономического положенія, администраціи, городского устройства, суда,—одинъ только вопросъ авторъ тщательно обходить—культурное состояніе провинціи, ея духовные интересы. Ему не разъ представляется случай—коснуться этого вопроса: когда онъ говоритъ о религіи, о народномъ образованіи. Въ первомъ случаѣ онъ упоминаетъ о вспышкѣ фанатизма на югѣ Франціи около половины вѣка, т. е. совсѣмъ близко подходитъ къ знаменательнѣйшимъ эпизодамъ философской пропаганды, въ другой разъ характеризуетъ положеніе провинціальныхъ университетовъ и академій, опять, слѣдовательно, предъ авторомъ поводъ отмѣтить участіе послѣднихъ въ развитіи популярнѣйшихъ идей эпохи. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ—философія не упоминается ни единымъ словомъ, и имена нѣкоторыхъ философовъ, на примѣръ, Вольтера и Кондорсе, называются, только потому что этимъ писателямъ пришлось высказать свои взгляды на интендантовъ ⁶. Выходить, будто все населеніе Франціи

---

⁶ Babeau. *La prov. sous l'ancien régime*. Paris 1894. О религіи pp. 290 etc. О просвѣщеніи p. 315 etc. О Вольтерѣ и Кондорсе—II p. 326, 327.

XVIII-го вѣка было поглощено исключительно экономическими, юридическими и административными вопросами и остается неизвѣстнымъ, откуда впоследствии въ *наказахъ* оказались статьи общаго политическаго и философскаго содержания?

Изъ этихъ примѣровъ ясно, въ какихъ существенныхъ дополненіяхъ нуждается исторія философской пропаганды. Вопросъ, въ какомъ направленіи могутъ быть сдѣланы эти дополненія,—легко рѣшается на основаніи тѣхъ же историческихъ сочиненій. Авторы слишкомъ узко понимаютъ свою задачу—объяснить философскую литературу и указать пути, какими ея идеи проникали въ публику. Если просвѣтительная философія носила религіозный характеръ, она, очевидно, должна была опираться на самый широкій кругъ учениковъ и послѣдователей, и философы подобно религіознымъ проповѣдникамъ должны были искать несравненно болѣе обширныхъ и доступныхъ аудиторій, чѣмъ салоны. Ихъ не могли даже удовлетворить вообще *читатели*, какъ бы популярны ни были философскія произведенія. Всякая проповѣдь должна имѣть *слушателей*, должна дѣйствовать живымъ словомъ: иначе философія останется только школой, достояніемъ избранныхъ, аристократической мудростью. Философія XVIII-го вѣка избѣжала этой участи и именно потому, что въ ея распоряженіи была самая демократическая форма проповѣди и самая доступная аудиторія. Мы говоримъ о драмѣ и о театрѣ.

Нельзя сказать, чтобы отъ вниманія политическихъ историковъ совершенно ускользнуло просвѣтительное значеніе драматической литературы и сцены. Обертэнь центрами оппозиціи называетъ «театръ, академію, салоны», говоритъ о «совѣщаніяхъ кабинета по поводу трагедіи», о беспокойствахъ, причиняемыхъ правительству вольностью актеровъ, о публикѣ авторъ даетъ даже весьма рѣшительный отзывъ: «еще на половину раба,—она уже проявляетъ настроеніе самодержца». ⁷ Эти замѣчанія въ общемъ справедливы,

⁷ O. c. p. 395—6. „Encore à demi esclave, il (le public) a déjà l'humeur d'un souverain“.

за исключеніемъ одного, касающагося актеровъ. Обертэнъ, очевидно, мимоходомъ бросилъ нѣсколько строкъ, не считая нужнымъ разобраться въ ихъ фактической точности, не придавая большаго значенія предмету. Дальше онъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ, представляетъ актеровъ — политическими протестантами и вольнодумцами — только на основаніи того, что — m-lle Клэронъ сидѣла разъ въ тюрьмѣ. Мы впоследствии будемъ имѣть возможность оцѣнить истинный смыслъ политики актеровъ и роль m-lle Клэронъ. Факты заставятъ сдѣлать выводы, противоположные разсужденіямъ Обертэна. Но важно, что онъ, заговоривъ объ общественномъ значеніи драматической литературы и театра, ограничился намекомъ на нѣкоторые въ сущности второстепенные эпизоды и совершенно не воспользовался *Секретными записками* и другими своими источниками именно относительно даннаго вопроса. Тэнъ, повидимому, отнесся къ вопросу внимательнѣе, по разнымъ поводамъ упомянулъ нѣсколько фактовъ, совершенно забытыхъ въ настоящее время даже историками литературы. Но всѣ эти упоминанія сдѣланы авторомъ будто въ интересахъ внѣшней полноты изложенія, внутренней смыслъ фактовъ остается вездѣ неоцѣненнымъ.

Говоря о повсемѣстномъ господствѣ философіи, Тэнъ называетъ трагедію, оперу, даже ярмарочные парады, какъ произведенія философскаго направленія. Но читатель долженъ вѣрить автору на слово, потому что онъ въ подтвержденіе своихъ словъ называетъ три пьесы, всѣмъ извѣстныя — *Oedipe* Вольтера, *Tarare* и *le Mariage de Figaro*, относительно четвертой — *Manco Capas* — онъ ограничивается отзывомъ Башомона — краткимъ, но на столько краснорѣчивымъ, что историкъ долженъ бы почувствовать необходимость — ближе познакомиться съ пьесой и сообщить намъ, какъ она излагала *Эмиля* и *Общественный договоръ*. И, конечно, такихъ пьесъ была не одна: объ этомъ не говорится ни слова. Относительно популярности театра, — Тэнъ ограничивается пере-

---

⁸ Taine. O. c. p. 359, 369.

сказомъ того же эпизода съ m-lle Кларонъ, какой сообщилъ уже Обертэнъ. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу матерьяльнаго и нравственнаго прогресса буржуазіи, въ примѣчаніи называется драма *Le philosophe sans le savoir*, изображавшая «высшій типъ буржуа». * Впослѣдствіи мы увидимъ, что драма дѣйствительно весьма интересна въ общественномъ смыслѣ, но герой ея не буржуа, а родовитый дворянинъ, занимающійся торговлей и свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, о совершенно другомъ сословномъ явленіи, чѣмъ сообщаетъ Тэнъ. Такимъ образомъ, лишь только историкъ въ своихъ сужденіяхъ о драмѣ и театрѣ выходитъ за предѣлы общеизвѣстныхъ фактовъ, немедленно обнаруживаетъ отсутствіе близкаго самостоятельнаго знакомства съ ними и впадаетъ въ грубыя ошибки. Въ результатъ,—даже признаніе философской роли театра не приноситъ пользы въ виду поверхностныхъ свѣдѣній историковъ по вопросу и крайне легкаго отношенія къ его значенію. Важнѣйшіе моменты философской пропаганды, имѣвшіе мѣсто въ драмѣ и на сценѣ, отмѣчаются буквально двумя тремя словами. Обертэнъ, напримеръ, не счелъ нужнымъ объяснить свой отзывъ о театральной публикѣ, Тэнъ только упомянулъ о «комедіи Палиссо»,— а между тѣмъ за этими темными намеками скрываются явленія величайшаго философскаго и политическаго значенія. Кромѣ того, на основаніи замѣчаній Тэна получается опять ложное представленіе даже о фактахъ — независимо отъ ихъ смысла. Историкъ рядомъ называетъ «une comédie de Palissot, une satire de Gilbert» ¹⁰. Въ дѣйствительности,—дѣятельность Палиссо, направленная противъ энциклопедистовъ, обнимаетъ, какъ увидимъ ниже, нѣсколько десятковъ ихъ, а произведеніе Жильбера, умершаго въ юношескомъ возрастѣ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько десятковъ стиховъ. Возможно ли, послѣ того—безъ всякихъ оговорокъ—оба явленія ставить на одну линію? Возможно при единственномъ

---

* О. с. р. 408.

¹⁰ *Ль.* р. 358.

условіи: когда авторъ не представляетъ ясно, какое значеніе имѣла въ свое время антифилософская драматическая сатира, вызванная непосредственно правительственной властью.

Таковы недоразумѣнія и пробѣлы, допускаемые историками—общества и государства. На это можно возразить, что всѣ упущенія естественно исправить историкамъ литературы: драма и театръ подлежатъ ихъ прямому вѣдѣнію. Но дѣло не выигрываетъ и въ этихъ рукахъ. Если политическіе историки обращаютъ слишкомъ мало вниманія на *литературу*,—литературные столь же небрежно относятся къ *философii*, т.-е. политическому и общественно-преобразовательному смыслу драматическихъ произведеній XVIII-го вѣка. Примѣрами и здѣсь могутъ служить лучшія работы по исторіи драмы и комедіи XVIII-го вѣка—каковы—Lanson'a: *Nivelle de La Chaussée et la comédie larmoyante*, Lenient'a *La comédie en France au XIII-e siècle*, Desnoireterres'a *La comédie satirique au XVIII-e siècle*.

Сочиненіе Лансона—основательная исторія чувствительной драмы во Франціи. Особенно подробно разобраны произведенія Лашоссе, ихъ содержаніе и идеи приведены въ связь съ общеевропейскими литературными мотивами XVIII-го вѣка, съ большой проницательностью указано значеніе дѣятельности Лашоссе въ развитіи новой драмы. Но всѣ изслѣдованія автора—отъ начала до конца—остаются на почвѣ чисто-литературной, художественной. Говоря о связи драмы Лашоссе съ театромъ XIX вѣка,—авторъ не считаетъ нужнымъ опредѣлить мѣсто чувствительнаго драматурга въ философскомъ движеніи просвѣтительной эпохи, тщательно оцѣнить реформаторскій общественный смыслъ новаго мотива драмы — *чувства* и привести въ связь морализирующее направленіе театра Детуша и Лашоссе съ проповѣдническими задачами энциклопедистовъ. Однимъ словомъ,—мѣщанская и чувствительная драма остается будто совершенно обособленнымъ явленіемъ философской эпохи. Чувствительные драматурги не играли никакой роли въ философской пропагандѣ, въ свою очередь философы—ничего не сдѣлали для чувствитель-

ной драмы. Съ этой точки зрѣнія Лансонъ до крайней степени унижаетъ Дидро, какъ художественнаго критика, видитъ въ его эстетическихъ разсужденіяхъ одну реторику, по идеямъ будто бы предвосхищенную драматургами—не энциклопедистами. Также поверхностно, какъ увидимъ ниже, судить Лансонъ и о Вольтерѣ — драматургѣ¹¹. Авторъ, очевидно, увлекся драмой, исключительно какъ литературнымъ явленіемъ, а дѣло энциклопедистовъ призналъ философіей въ узкомъ смыслѣ слова, и въ результатѣ оказалось, что оба теченія, въ сущности гармоничныя и во многихъ отношеніяхъ тождественныя, не имѣютъ между собой ничего общаго въ культурномъ и просвѣтительномъ смыслѣ и иногда даже враждебны другъ другу. Недоразумѣніе Лансона особенно рѣзко отразилось на всѣхъ его отзывахъ о вождѣ философій, какъ поэтѣ и критикѣ. Авторъ остановился на грубомъ представленіи—о литературныхъ жанрахъ XVIII вѣка—трагедіи и драмѣ, даже не подозревая, что практически оставались только внѣшнія формулы того и другаго жанра,—содержаніе, идеи, даже сюжеты постепенно приобрѣли единство, — и Вольтеръ—въ трагедіяхъ являлся такимъ же чувствительнымъ авторомъ, какимъ Лашоссе былъ въ своихъ драмахъ. Съ другой стороны, драмы того же Лашоссе превращались по существу въ *философскія* произведенія въ томъ именно смыслѣ, какъ понимали энциклопедисты.

Слѣдовательно, Лансонъ одновременно впалъ въ двойное заблужденіе: не распозналъ въ драмѣ элементовъ просвѣтительной мысли и не понялъ могучаго вліянія чувства и чувствительной литературы на *всѣ* художественныя и теоретическія произведенія XVIII-го вѣка. Ясно, въ какой степени отъ подобныхъ заблужденій должна страдать исторія философской пропаганды: благодаря узко-литературнымъ взглядамъ изслѣдователя,—изъ этой исторіи исчезаетъ обильнѣйшій источникъ философскихъ идей, — драма, и затемняется философское значеніе основнаго мотива драматической литературы — чувства.

¹¹ Lanson. *O. c.* p. 225, 270.

То же самое слѣдуетъ повторить и относительно работы Леньяна. Она охватываетъ развитіе французской комедіи и драмы за цѣлое столѣтіе,—съ преемниковъ Мольера до великой революціи включительно. Слѣдовало бы ожидать, что философское движеніе найдетъ въ такомъ изслѣдованіи достойное мѣсто, тѣмъ болѣе что Леньянъ не пропускаетъ даже «забытыхъ и пренебреженныхъ писателей», второстепенныхъ дѣятелей театра XVIII-го вѣка ¹². На самомъ дѣлѣ, и этотъ авторъ остается почти исключительно въ предѣлахъ литературныхъ и эстетическихъ вопросовъ. Основной недостатокъ его книги — отрывочность историческаго разсказа. Отдѣльные писатели поставлены рядомъ потому только, что они жили одновременно,—преемственности творчества и идей Леньянъ не подозреваетъ. Единственное исключеніе намѣчается только во главѣ, посвященной Дидро: Леньянъ считаетъ энциклопедиста—систематическимъ теоретикомъ фактовъ, уже созданныхъ раньше его—Лашоссе. Взглядъ, какъ увидимъ, ошибочный, и ошибка коренится въ той же односторонности историка литературы: онъ смотритъ на драму и теорію, ею вызванную, только какъ на явленія искусства, а не общественной преобразовательной мысли. Въ результатъ,—разсужденія Дидро о драмѣ могутъ показаться совершенно неоригинальными, потому что для его *эстетическихъ* обобщеній можно найти иллюстраціи въ драмахъ Детуша и Лашоссе, но получается другой выводъ, если драмы Лашоссе и теорію Дидро сравнить съ *философской* и *культурной* точки зрѣнія. Естественно—отъ автора ускользаетъ послѣдовательное развитіе эстетики XVIII-го вѣка въ зависимости отъ роста общественной и политической мысли,—и Мерсье, въ глазахъ Леньяна, является «умомъ — фантастическимъ, уродливымъ, притязательнымъ, эксцентричнымъ и болѣе экстравагантнымъ чѣмъ оригинальнымъ» ¹³. Въ доказательство приводится нѣсколько соображеній Мерсье специально-театральнаго и эсте-

---

¹² Lenient. *O. c.* II, chap. XVI: *Les éphémères: oubliés et dédaignés.*

¹³ *Ib.* II, 379.

тического характера. А между тѣмъ, существенное значеніе вообще всѣхъ литературныхъ теорій XVIII-го вѣка и въ особенности теорій Мерсье, писателя конца эпохи, — заключалось не въ чисто-художественныхъ взглядахъ, а въ ихъ философскомъ духѣ. Этотъ духъ являлся господствующей силой эпохи и налагалъ свою власть одинаково и на творчество, и на критику. Судить, слѣдовательно, о какомъ бы то ни было произведеніи XVIII-го вѣка, непринявъ въ расчетъ этого факта, значитъ судить о предметѣ по его отраженію или тѣни. Именно *отраженіемъ* философіи было все искусство XVIII-го вѣка, даже если писатели завѣдомо и не принадлежали къ философской партіи.

Леньянъ говоритъ, что «мѣцанская драма родилась, такъ сказать, изъ инстинкта Лашоссе»¹⁴. Съ такимъ же правомъ авторъ могъ сказать: Лашоссе инстинктивно проповѣдовалъ философскія идеи, лично не имѣя ничего общаго съ философами. Тоже самое можно повторить о старшемъ его современникѣ Лашоссе—Детушѣ. Оба они открыто заявляли свое отчужденіе отъ энциклопедической партіи, — но въ то же время Лашоссе разчищалъ путь Вольтеру и Дидро, какъ драматургамъ—философамъ, а Детушъ, какъ увидимъ, даже обмолвился защитительнымъ словомъ въ пользу современныхъ философовъ. Это въ полномъ смыслѣ былъ голосъ инстинкта: чувствительный драматургъ будто невольно призналъ внутреннее родство своей дѣятельности съ философскою пропагандой.

Именно такъ слѣдовало и историкамъ драмы смотрѣть на свой предметъ,—не отдавать все свое вниманіе литературной критикѣ, а на каждомъ шагѣ выдѣлять изъ художественныхъ произведеній и критическихъ трактатовъ — сѣмена философіи, разбѣянные всюду въ подавляющемъ изобиліи. Разъ, на примѣръ, Лансонъ и Леньянъ признали, что драматурги XVIII-го вѣка—*проповѣдники*, по выраженію сатиры—*pères reverends* а драмы—*sermons* и *homilies*,—эстетическія

---

¹⁴ Гб. II, 317.